

Bessant J.

Bessant J. The sociology of policy-making in the modern state: Intent and human action // Journal of Sociology. – Melbourne, 2008. – Vol.44. – P.283-300.

283

Можем ли мы понять намерение субъекта управления, принимая во внимание коллективную природу выработки политики и предполагая, что само по себе намерение более свойственно индивидам, чем группам?

Ответ на этот вопрос может лежать в плоскости социологии социальных систем и социологии социального действия. Я доказываю, что подход с позиции социальных систем, предполагающий детерминированность человеческого действия, является ограниченным, чтобы на нем основывалась социология политики. При этом социология социального действия, рассматривающая индивида активно и рационально действующим, может дать больше.

284

Доказывается, что либеральный подход, рассматривающий индивида как независимого и статичного актора, основывается на концептуальном различии между актором и его действием; это различие упускает из виду находящуюся в постоянном движении, взаимозависимую, взаимодействующую и изменчивую природу социальных отношений. Более того, либерализм не изучает то, как эмоции влияют на социальное действие.

Учитывая, что выработка мероприятий в той или иной сфере – это всегда коллективный процесс, в котором реализуются цели множества сторон, в частности, министров, лоббистов и медиа, мы не можем говорить о том, что политическое намерение – это индивидуальное явление.

Мы не можем связывать публичную политику с эго единичного игрока.

Также рассматривается вклад пост-фундаменталистской социологии и теории идентичности.

Дискурс-анализ и его способность показывать, как посредством нарративов выстраиваются аргументы, устанавливаются планы мероприятий и формируется действие. Дискурс-анализ показывает, как структуры речи и мышления влияют на управленческие отношения.

Но эти теории только частично объясняют процесс выработки политики. Они не касаются человеческого поведения, динамики отношений и роли намерений в рамках данного процесса.

Социология публичной политики основывается на работах Элиаса, в особенности, «личные местоимения». Как предшественник теории сетей, Элиас признает, что взаимоотношения между людьми определяются эмоциями и желаниями. И хотя современные подходы к теории сетей вносят ценный вклад в анализ публичной политики, они достаточно ограничены в трех аспектах, поскольку не могут объяснить: во-первых, как акты взаимодействия влияют на политику, во-вторых, как сети способствуют либо препятствуют взаимодействию, а в-третьих, какова природа намерений проводить мероприятия.

Рассуждения Элиаса о перспективном характере человеческих отношений и его «модель личных местоимений» вносят вклад в социологию публичной политики.

Наряду с дискурс-анализом, работы Элиаса задают базис социологии публичной политики, которая выдвигает на первый план человеческое действие, коллективную и в высшей степени социальную природу политических решений.

285

Раскрыть потенциал социологии в объяснении смысла публичной политики позволяет рассмотрение двух школ, которые вели дебаты по линии «структура – действие»: это социология социальных систем и социология действия.

Социология социальных систем, представленная Парсонсом и Шилзом (1951), исходит из того, что действия социальных акторов определяются факторами внешнего порядка. При этом постулируется ограниченный набор возможностей действия, а акторы наделяются частными и объективными интересами, ограниченными структурами, которые заставляют действовать определенным образом. Точно так же действия акторов определяются структурными и объективными силами или интересами. С позиции такого подхода действие рассматривается как целерациональное, которое Парсонс и Шилз видят как конституирующее действие в рамках социальных систем. Социальное действие, в отличие от аномического и анти-социального, направлено на то, чтобы поддержать социальное равновесие.

Фенна (1998): причинность – это гипотетическое родство между детерминантами (иногда называемыми независимыми переменными) и результатами (зависимыми переменными)

Фенна объясняет социологию систем через метафоры, заимствованные из физики: *причинность, силы, независимые и зависимые переменные*.

Но эти метафоры несовместимы с тем, что деятельность включает инновации и перемены; действия создаются акторами, которые осуществляют выбор.

286

Социология социального действия

Рассматривает индивида как в большей мере активного деятеля, нежели пассивного. Например, типы действия, выделенные Вебером.

Вебер: акторы сознательно решают, какое действие им осуществлять, а социология интерпретирует причину и результат действия. Социологи, использующие этот подход, признают, что акторы знают соответствующие факты, чтобы соотносить свои возможности с предпочтительными вариантами действия. Такой подход отдаст предпочтение осмысленным и рациональным мотивам, обращая внимание на то, как намерения, верования, ценности и логика мышления акторов формируют социальное взаимодействие.

Исследования намерений субъекта управления реализовывать те или иные социально-политические цели довольно часто фигурируют в управленческой литературе.

Некоторые исследователи изучают то, точно ли управленцы идентифицируют источники проблем, на которые наталкивается то или иное мероприятие.

насколько решения предотвращают проблемы

В качестве объяснения социально-политической активности выступают политические и религиозные убеждения, идеи и ценности. Такой подход признает, что намерение может быть выявлено с помощью интерпретативных приемов, которые позволяют обнаружить правила, представления и нормы, находящиеся в причинной зависимости между собой.

287

Установленное намерение является важным элементом оценки эффективности. Эффективность программ развития определяется тем, в какой степени намерение совпадает с результатом.

Если задачи не ясны, трудно судить о достижениях.

Но не является ли понятие намерения вездесущим?

Каков характер явлений, на которые указывает намерение?

Рациональное действие

Идея policy как рационального действия, инициированного с определенным намерением, не принимает в расчет роль экспертов, которые способны обращать внимание на фактор случайности: нарушение правил, изменчивость и неожиданные характеристики.

Также понимание намерения как рационального действия не учитывает сложность и фрагментарность групп влияния, того, как они взаимодействуют между собой, формируют идеологию и политические программы.

Кроме того, рационалистский подход не принимает в расчет феноменологию: хаос и неразбериха, неэффективное управление, случайные происшествия, преднамеренный обман, недостаток знаний, недоброжелательность.

Намерение и теории мышления/действия

Понятие намерения было выдвинуто в рамках теории мышления/действия, которая зародилась в недрах либеральной теории.

288

Вильсон: намерение исходит из внутренней воли, которая связана с определенным действием или последовательностью действий.

Чисхольм: между намерением и действием существует причинная связь: одно состояние дел следует из другого либо из желания индивида.

Дэвидсон понимает намерение как мотив, производную от желания или убеждений и помещает данное понятие в координаты

- действие;
- соответствующие стремления и убеждения;
- отношение между двумя вышеперечисленными факторами.

С середины XVIII в. ключевым понятием в исследованиях интенциональности является индивид.

Это основывалось на представлении о том, что акторы обладают самосознанием и рефлексией.

Либеральная теория за индивидом признавала роль самостоятельного агента, обладающего внутренним единством и согласованностью действий.

Либерализм и индивид

Индивиды отличаются друг от друга мотивами, намерениями и интеллектом. Разделить это все на факторы без описания связи между ними.

289

биология: м-ж

290

Проблемы использования гуманистической идеи «индивида»

Личность объясняет намерения и помогает интерпретировать действие

Понятие личности используется для того, чтобы расшифровать поведение. Но оно нематериально. Это объяснение не удовлетворяет социологов.

: рукопожатие австралийского премьер-министра с оппозиционным лидером. Как мы можем прочесть политические намерения по языку жестов?

... И вывод: пример с рукопожатием показывает, что объяснения с позиции личности ограничены. Поступил так, потому что был настоящим мужчиной.

Индивид как отражение глобальных, межкультурных традиций

Это ценность западного мира: рационально просчитать действие на перспективу, которое будет более успешным, чем действия конкурентов.

Индивид как обладатель цельной многомерной идентичности

Множественные идентичности (мусульманин; мужчина) определяют содержание человеческой субъективности,

292

что выходит за пределы традиционных представлений об индивиде как цельной личности.

: скромный, агрессивный – ничего не значит вне социально-политического контекста.

Индивид как внешняя сторона социальных отношений

A way ahead

Социологи (Вебер) социология действия и феноменологи (Шютц) создали основу понимания *polisy* как социального действия, которое опосредуется общими символами (языком) и наполняется системами значений и убеждений (религиозные верования и этические порывы). В то время как Вебер рассматривал рациональное действие одного лица, и, соответственно, одну причинную связь, Шютц признал наличие множества акторов. Действие – основанное на договоре, зависящее от случая и меняющееся в динамике.

Социология policy – Вебер и Шютц в основе, а развил Элиас «личные местоимения...» и «процессуальная социология»

293

Хотя теория сетей способна описать структуры, она не может объяснить, как взаимодействия влияют на policy, или как сети способствуют или препятствуют взаимодействиям.

Элиас – личные местоимения как фигуративная модель

Термин «фигурация» подчеркивает изменчивую природу социальных акторов и постоянно меняющиеся паттерны социальных отношений. Элиас говорит, что необходимо понять, как изменяются и переплетаются диспозиции. Он добавляет в картину чувства, иррациональность и биологическую природу.

В личных местоимениях содержится потенциал концептуализации социальных отношений.

Использование местоимений *Я, мы, им* и т.д. может выстроить группы влияния (policy-making communities), позиционировать взгляды акторов в различных контекстах и выявить, как управленцы в публичной речи интерпретируют позиции друг друга.

294

конкретные действия и высказывания рассматриваются в социальном контексте

фигурации: отношения между чувствами, властью, действием, знанием и идентичностью

Йетман: индивид как независимое существо не может выжить в рамках политической группы влияния.

Центральным для социологии policy является вопрос о том, как должно выглядеть намерение, и какие смыслы вкладываются в цели деятельности.

295

Кейс-стади: Лейбористское правительство

296

Как нарратив влияет на практическую реализацию управленческих мер намерения изменяются по мере развития событий

Категория «мы» изменчива и говорит о коалициях.

Они – это «свои» или «чужие»?

Fawcett S. et al. Creating and using social technologies for community empowerment // Studies in empowerment: steps toward understanding and action. – N.Y., The Haworth Press, 1984. – P.145-173.

Усиление местных сообществ (Community empowerment)

146

это процесс усиления общественного контроля. Например, путем создания своей организации собственники домов, построенных при поддержке муниципалитета, могут возмещать нанесенный им ущерб и улучшать жилищные условия.

С позиции бихевиоризма усиление влияния зависит от таких важных переменных, как *знание* проблем вместе с вариантами их решения и *навык* изложения дела, лидерства и реализации иных тактических приемов. Также это зависит от возможностей способствовать либо препятствовать деятельности субъектов управления. В частности, в первом случае это увеличение числа избирателей конкретного лица, а во втором – неблагоприятные публикации в прессе.

Перевод-конспект К.В. Харченко